Фрагмент из романа

«АЛБАЗИНЕЦ»

ПУТЬ НА АМУР

Глава I

Казачья вольница

Весь май в тот год природа гуляла ветрами, принося с морей мокроту, пока, наконец, в начале июня не показалось злое амурское солнце и не обожгло люто землю. Оно выпило влагу с полей, остановило бег ручьёв и небольших речушек, повергло ниц спеющие тяжёлые травы и нивы. Воздух стал сухим, раскалённым и недобрым. В этом нещадном пекле страдали не только люди, но и всё живое. И лишь дети не замечали того, что вызывало у взрослых ощущение ада. Загоревшие до угольной черноты, с шелушащимися носами и потрескавшимися белёсыми губами, они весь день не вылезали из воды. Их звонкое многоголосье было слышно далеко округ. И так продолжалось до самого вечера, пока на берегу не появлялись родители и не прогоняли своих заигравшихся чад с реки.

— А ну, Васька, марш домой! И не канючь! А то и обедать не обедал — и от ужина, что ль, решил отказаться? — заведёт какая-нибудь баба.

— А ты, Емелька, чего ждёшь? Али хочешь, чтоб я выпорол тебя? — А это уже албазинский казак пытается выудить из реки своего мальца. — Смотри, коль не слухаешь отца-матери, послухаешься телячьей шкуры.

Тут же со стороны крепостных стен прозвучит призывное:

— Манька-а-а! Слышь меня? Ночь на дворе... Гляди, утащит тебя басурман — будешь знать...

Басурманов, а так в крепости называли маньчжуров, дети боялись пуще всего на свете. Бывало, увидят на другом берегу спускающихся к реке конников в воинских доспехах, — тут же с криками врассыпную. А вслед им хохот, вслед — громкая непонятная речь. Река здесь неширокая — хорошо всё слышно. Страшно! А вдруг эти вороги пришли их, детишек, воровать, чтобы потом продать в рабство? Так, по крайней мере, объясняют детворе взрослые каждое появление маньчжуров, пытаясь приучить своих чад к бдительности. Дескать, нехристю что — у него нет жалости к православному. Были бы крещёными — жалели бы нас, русичей.

Оттого, видно, и пытается здешнее духовенство* распространить православную веру по всему Амуру. Будет одна вера — будет и мир, говорили они. Так что крестили всех подряд, не разбирая, кто какого рода-племени.

Вот и на Иванов день были назначены крестины. И то: на Предтечу никто не работает. Не рубят капусты, не берут в руки косаря, топора, заступа. Потому лучшего времени не найдёшь.

Однако охочих набралось так много, что их не смогла бы вместить ни одна здешняя церковь. Потому и решили поступить так, как поступил в своё время Иоанн Креститель с Иисусом Христом, — крестить всех в реке.

---

* **Духовенство** — священнослужители. Различается белое (немонашествующее) и чёрное (монашествующее) духовенство.

...В день Рождества честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с самого раннего утра далеко по берегу разнёсся медный звон единственного в Албазине колокола, установленного на колокольне Воскресенской церкви. Народ поспешил в храм, у входа в который, стоя на высоком крыльце, их уже поджидал облачённый в золочёную ризу с епитрахилью* и скуфью приходской священник отец Максим Леонтьев. С ним были диакон Иона в длиннополой слегка помятой рясе и внешне напоминающий филина псаломщик Мирошка, одетый в сермяжный кафтан. И если Леонтьев с Мирошкой гляделись довольно свежо и молодцевато, то лицо диакона Ионы походило на пожёванный сапог. Он буквально засыпал на ногах, вместо того, чтобы, подобно своим спутникам, приветствовать входящих поклоном. Ну ладно, если б это происходило после всенощного бдения, а то ведь не было такового, поэтому любой, завидевший Иону, мог предположить, что тот ещё не просыхал с прошлого дня.

В эту праздничную ночь весь острог гулял на берегу, а с ним и монастырские. Спать пошли только с рассветом. Потому даже колокол, сзывавший народ на литургию, не смог разбудить иных гулён. Бабы ладно, тем не привыкать вставать рано. А тут нужно и на обед что-то сытное приготовить, да и укруту** подходящую подобрать. Чай — праздник, а в праздник наряжаться положено.

---

* **Епитрахиль** — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа: длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

** **Укрута** — платье, одежда.

Наладив женские дела, стали мужей своих и чад поднимать. А те брыкаются, что-то бормочут бессвязное во сне. Пришлось кого холодной водой обливать, кого веником сгонять с мягких перин.

Ох, и трудно мужику вставать с похмелья! Одни снимают похмелье с помощью чесночного или лукового супа, другие — горячей овсяной кашей с кислым молоком, третьи — просто кружкой рассола. А иной придёт в себя только после того, как ему на голову выльют ведро ледяной колодезной воды.

Что до казаков, то в таких случаях они обычно с силою брали себя за шкирку и так держали до тех пор, пока не проходила головная боль. А то прикладывали монетки к глазам и ждали, когда им станет легче.

Накануне старец Гермоген, бывший ярым противником пьянства, призвал к себе в келью атамана.

— Слыхал, ноне костры жечь на берегу собрались... Снова бражничать будете да чёрными словами ругаться? — хмурит он седые брови.

Никифор улыбнулся на всю ширину своих жёлтых прокуренных зубов.

— Ну да, пропустим жбанец*-другой — не без того, чай ведь Купала**...

Старец с укором смотрит на атамана.

---

* **Жбанец** – ставчики, посуда для питья.

** **Иван Купала** – народный праздник восточных славян, посвящённый летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы и отмечаемый с 6 на 7 июля. По времени проведения совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи.

— Купала!.. — передразнивает он его. — Да вам, казачью, лишь бы повод был, — говорит. — Пьёте, пьёте — никак насытиться не можете. А того забыли, что вино — уму не товарищ. Пропьёте ведь ум-то, что будете делать? — ворчит старик. — Ладно, празднуйте, но чтоб без мордобоя, слышишь меня? А то ведь вы не можете по-человечьи праздники-то гулять. Обязательно шуму наделаете. Ну что за люди, ей-Богу! — Он сокрушённо покачал головой, потом глянул подслепо-вато на атамана и строгим голосом сказал: — И чтоб завтра все на литургии были, ты понял меня? А то с вас станется. Говорю, негоже православному против церковных правил идти... Сам тоже не забудь в церкву прийти, — предупредил старец. — Запомни: ни с кого-нибудь — с тебя твои люди пример-то берут...

Что и говорить, казаки — народ конобойный*, особо когда напьются. Но что поделаешь — уж такими их вольница воспитала. Люди-то они лихие и смелые, но уж шибко буянливые.

Однако Никифор твёрдо пообещал старцу, что на этот раз всё обойдётся без шуму, ну а коли кто из его товарищей вздумает кулаками махать, того он самолично перед всем казацким строем нагайкой отстегает.

...Чуть завечерело, на берег Амура высыпал народ. Тут и албазинские были, и слободские, и те, что пришли из ближних заимок да селищ. Молодёжь уже загодя натаскала хворосту для кострищ, и теперь ждали только темноты.

---

* **Конобойный** – бузотёр, буян.

Казаки, как водится, гуляли отдельно от всех. Подобрав по-турецки ноги, они сели кружком на траву, достали кисеты с махрой и кресала, а потом, попыхивая трубками, стали ждать своего часа. Чуть поодаль расположились их жёны и дети. Тут же двое кашеваров готовили тавранчуг — уху из разнорыбицы. Из-под крышки стоявшего на тагане большого медного котла, в котором, побулькивая, варилась ушица, вырывались убийственные запахи, вызывая у казаков голодную слюну.

Как только запылали на берегу костры, атаман велел казакам открыть приготовленный загодя бочонок мёда, после чего назначенный им кравчий* наполнил большую атаманову братину. Взяв её в руки, Никифор поднялся с земли. Казаки поняли, что атаман собрался держать речь, и последовали его примеру.

— Братья мои, казаки! Товарищи и боевые други! — начал атаман. — Первый кубок на этом празднике я бы хотел поднять за родную нашу Отчизну. Коль не было бы её, не было бы и нас — тогда кто бы праздновал-то, братцы? Так что за Русь-матушку!..

— Любо! — дружно грянули казаки, заставив всех, кто находился на берегу, вздрогнуть.

— Так вот, товарищи мои... — продолжил атаман. — Без Державы нашей мы ничто. Может даже обыкновенные черви. А потому мы должны как зеницу ока охранять её и беречь от любого ворога.

---

* **Кравчий** – виночерпий.

— Любо! — снова бурно соглашаются с атамановой правдой казачки.

— Тогда выпьем же, братья, за Державу нашу любимую, а ещё за волю вольную, без которой нет казака!

— Любо-о! — несётся мощный казацкий глас над озарённой светом костров рекой, повторяясь эхом где-то в бездонной глубине звёздного неба.